

СОДЕРЖАНИЕ

Внук генерала Игнатьева	7
Игрок за номером 12849	79
Долгие и частые письма	116
«День недели была пятница...»	143
Катя едет в Сочи	226
Слова	253
Весна, Света!	291
После жизни	307
А ты где?	341
Благодарности	349

ВНУК ГЕНЕРАЛА ИГНАТЬЕВА

Повесть

1.

Никто не предупредил, что на прощании будет закрытый гроб.

Все последние дни Юля Вогулкина пыталась представить Ясно́го в виде покойника — и справедливо винила себя в любопытстве. Хотелось знать: будет ли он в мёртвом виде таким же ухоженным, как при жизни?

Ясной носил крохотную бородку пиковой масти, очки без оправы и щеголял свежим маникюром: глядя на него, Юля прятала обкусанные ногти в растянутых рукавах свитера. Пришлось высвободить ладонь из рукава, чтобы взять у Ясного визитную карточку: глянцевую, по моде конца девяностых. Может, он не заметил цыпки-заусенцы?

Выпуклый чёрный курсив «Ясной Олег Аркадьевич. Директор Частного института истории России советского периода».

Сколько лет ему было, сказать трудно. Юле, совсем ещё юной в ту пору, все мужчины старше тридцати казались ровесниками друг другу. От сорока до шестидесяти — где-то так, наверное. Можно было бы спросить напрямую, но вдруг ещё подумает чего-нибудь. Вообразит себе. Вогулкиной не нравились такие нафабранные аккуратисты. То ли дело Паша Зязев! Вечно нестриженный, в мятых (но при этом всегда чистых!) футболках, в пожелтевших кедах, очаровательный Зязев не раздражал даже привычкой мыть руки, забрызгивая водой всё зеркало. Юля прощала ему всё, включая жуткую манеру скрести голову тупым концом карандаша.

Ясной не позволял себе ни одного сомнительного жеста. Носил костюмы, сверкал пряжкой ремня, благоухал сладковатым, с удушливой ноткой парфюмом. Похожий запах — у похоронных лилий в корзине, что стоит в ногах покойника, поняла вдруг Юля. А потом, слева от корзины, увидела ноги в отглаженных брюках и блестящих штиблетах с заострёнными носами. Точно такие носил Ясной!

Вогулкина подняла взгляд, увидела сверкающую пряжку ремня, пиджак, ослабленный узел галстука — и лицо покойника, правда без пиковой бородки и очков. Смотрел он Юле прямо в глаза. Насмешливо и с интересом.

Другая на её месте, может, вскрикнула бы, но Вогулкина сдержалась, лишь стиснула крепче свой довольно жалкий букет гвоздик.

Сдержалась она не потому, что была так уж сильна духом — ничего подобного. Всего лишь особенное устройство психики, когда любая эмоция — страх, удивление, радость — докатывается спустя несколько минут. Это плохо в случаях, когда требуется быстрая реакция, но бесценно, если нужно скрыть истинные чувства от окружающих. Ватные ноги, дрожь в руках, банный пот: всё будет строго по расписанию, но пока можно спокойно отвести взгляд от Ясного — живее всех живых! — и сделать вид, что сосредоточенно слушаешь служительницу крематория, обрабатывающую неизменный ритуал.

Ужас докатился до Вогулкиной ровно в тот момент, когда служительница сказала:

— Предлагаю проститься с Олегом Аркадьевичем и вспомнить о нём только самое лучшее. Пожалуйста! — она гостеприимным жестом хозяйки указала на гроб и сделала шаг назад, склонив голову в скорбном поклоне.

Живой покойник уверенным шагом шёл к микрофону — и все, кто помнил Олега Аркадьевича, вздрагивали с разной степенью интенсивности. Шёл он точно как Ясной, выбрасывая острые носки туфель в стороны, приосаниваясь, пощёлкивая пальцами.

— Поскольку наших родителей здесь нет, — сказал покойник, ещё раз безнадёжно окинув взглядом скромную группу провожающих (в основном

там были женщины, старухи и несколько мужчин невротического вида), — то первое слово скажу я. Олег был моим братом, и, как вы можете заметить, близнецом.

Имени своего выступающий называть не стал. А голос имел точно как у Ясного, и ни на йоту не отличались интонации. Впрочем, это, возможно, норма — Вогулкина знала немногих близнецов и не понимала, как у них всё устроено.

Тихонько подошёл опоздавший Паша, взял Юлю за руку, и она радостно вспыхнула. Близнец, на секунду приостановив свою речь, посмотрел на них укоризненным взглядом Олега Ясного и продолжил говорить о том, каким выдающимся человеком был его брат. Неоценимый вклад. Усердная работа. Упрямство учёного. Редкая наблюдательность. Потрясающее бескорыстие.

Юля подумала, что Ясному бы понравилась эта речь и что он, вполне вероятно, сам её и составил на случай внезапной смерти.

Других желающих словесно проститься с Олегом Аркадьевичем не отыскалось. Разочарованный близнец кивнул служительнице, и та объявила, что теперь близкие покойного могут обойти вокруг гроба, положить на крышку цветы и сказать Олегу Аркадьевичу последнее прости.

Стебли гвоздик прилипали к ладони Вогулкиной, и она с облегчением стряхнула их на гроб — тоже, кстати, элегантный, напомнивший Юле один

из казённых буфетов Дома Чекистов, которых она нагляделась на фотографиях. Цветов было немного, венков — всего один, увитый лентой с надписью «От безутешного...». Близнец похлопал по крышке гроба, как грузчик, завершивший работу, — и Олег Аркадьевич Ясной, или кто там лежал на самом деле, поехал в печь. А Юля с Пашей вышли на свет божий, где несколько старух обсуждали вполголоса: кто теперь будет им возвращать деньги?

— Дождёмся этого брата и спросим, — предложила самая бойкая, но при этом со следами непоправимой интеллигентности на лице.

Но брат-двойник пропал — и даже не сообщил о том, будут ли поминки! Возможно, имелся ещё какой-то выход из крематория, помимо двери и трубы?..

Юля смотрела на чёрный дым, улетающий в голубенькое майское небо, и думала, что в любом случае земной жизни Олега Ясного — многожёнца, историка, внука генерала Игнатьева, родственника Сталина и Лили Брик — пришёл конец.

Ну или не пришёл.

И почему, кстати, его брат-двойник выглядел ровесником прежнему Ясному, а не тому, каким он стал бы сейчас?.. Прошло почти пятнадцать лет, некоторые люди, конечно, медленно стареют, но не до такой же степени!

Может, он не брат и не двойник, а сын Ясного? Правнук генерала Игнатьева?..

Всю обратную дорогу Юля и Паша молчали, а когда он сказал, что не сможет сегодня зайти, Вогулкина почему-то не расстроилась. Она спокойно относилась к Пашиной жене Алёне, которую знала лишь заочно, но признавала, как неотъемлемую часть Зязева — его руку или, например, ухо. Признавала, но всё равно, конечно, огорчалась, если из-за этого уха нарушались любовно выстроенные планы. И сама себя одёргивала: так нельзя, тебе никто ничего не обещал, надо быть выше этого (хотя куда уж выше-то!). Обидно было, что с Алёной Паша познакомился примерно тогда же, когда они с Юлей начали работать над исследованием о Доме Чекистов, — то есть у него был шанс выбрать себе в жёны Вогулкину, но выбрал он почему-то Алёну. И живёт с ней теперь, как сам с удручающим постоянством говорит, душа в душу.

Но вот сейчас она не расстроилась, и Паша почувствовал это.

— Ты какая-то странная сегодня!

— Да я вообще странная, — отмахнулась Юля. — Беги уже, созвонимся.

Он не побежал, а пошёл довольно медленно и неохотно. Юля же домой почти летела и даже напугала своей скоростью какую-то собачку. Не терпелось найти в залежах письменного стола папку с копиями документов, так и не переродившихся из «собранных материалов» в научный труд. В той же папке, если она правильно помнит, должны лежать

визитка Ясного и их совместная фотография, сделанная Пашей на фоне Дома Чекистов.

В письменном столе Вогулкиной давным-давно царили тлен и запустение. Братская могила великих начинаний. А ведь Юля ещё лет десять назад не поверила бы, что из всех специальностей, которыми она овладевала на ходу, играючи, постоянной станет самая непритязательная — гид-краевед. Ни писатель, ни историк, ни культуролог из Юли так и не получились.

Но при этом она жива, а вот Ясного сожгли сегодня утром в крематории.

Или не сожгли?

Она снова вспомнила двойника, его любопытный взгляд и поёжилась. Выбрасывала из ящиков одну стопку листов за другой, начала, разумеется, кашлять от пыли. А нужная папка лежала, конечно же, на самом дне позорного погоста.

Первым делом Юля вытащила из неё фотоснимок.

Да. Человек, представившийся братом Олега Ясного, был либо его подлинным близнецом, либо двойником, либо им самим!

2.

Двойник, как считала Вогулкина, есть за редким исключением у каждого. На портрете, написанном двести лет назад, в телевизоре, в соседнем дворе,

в документе — тут уж кому как повезёт. Ну, или не повезёт.

Двойники интересовали Юлю с невинного детства. Можно даже восстановить в памяти, с какого точно дня они её начали интересовать.

1 сентября 1982 года Юля пошла в четвёртый класс новой школы — не той, что во дворе, а другой, через две дороги и сквер. Бабушка дала ей букет глупых георгинов, хотя Юля предпочла бы гладиолусы (родственное слово с «гладиатором» — Юле тогда нравились мальчишеские книжки).

На линейке всё было как обычно, а когда пошли в класс и началась переключка, вместе с Юлей вскочила со своего места другая новенькая — кудрявая девочка-мартышка.

— Вогулкина Юля!

— Здесь! — крикнули они хором, и все, конечно, засмеялись.

Учительница сказала, что вторую Вогулкину приняли в тот же четвёртый класс «Б» по ошибке и «во избежание путаницы» её переведут в ближайшее время в параллельный. Но ближайшее время, как часто бывает, растянулось на несколько месяцев, мучительных для обеих Юль.

— Она ведь нам даже не родственница, — возмущалась Юлина бабушка, как будто родственнику было легче пережить. Мартышка оказалась пакостной девочкой, и бремя дурной славы преследовало Юлю даже после того, как тёзку перевели

наконец даже не в параллельный класс, а в другую школу.

Родители отнеслись к появлению двойника дочери до обидного легкомысленно. Маме это даже показалось забавным!

— Ладно бы мы были какие-нибудь Кузнецовы, Ивановы, — смеялась мама, — но Вогулкины всё-таки не самая распространённая фамилия.

А папа снял с носа очки и сказал:

— Вполне типичная для Урала. Вогулы — старое название манси. Не хочешь, Юляша, пригласить домой свою тёзку?

Юля, слушая родителей, мечтала стать сразу Ивановой и Кузнецовой, лишь бы не наткнуться на кудрявую нахалку, присвоившую себе не только её фамилию, но даже имя. Звать домой — да ни за что в жизни! Первая Вогулкина была довольно одинокой девочкой, трепетно оберегающей свой мир от чужих посягательств. Да, о двойниках она впервые задумалась именно тогда — и безо всякой симпатии, потому что испытала на себе, как посторонний, неприятный человек претендует на часть твоей неповторимой личности.

Исчезнув из реальной жизни, вторая Вогулкина долго возвращалась к первой в тревожных снах и мерещилась на троллейбусных остановках.

Примерно в то же время папа достал где-то по случаю «Сказки» Гофмана, и Юля прочитала за один вечер «Песочного человека», а потом стащила

с полки взрослого стеллажа «Эликсиры сатаны». Читать было страшно, не читать — невозможно!

Как выяснилось позднее, мировая литература была нашпигована двойниками — от безобидных «Принца и нищего» и «Виконта де Бражелона» до жуткого «Доктора Джекила и мистера Хайда» и так далее, с первой по шестую полку стеллажа. Весь цвет изящной словесности — от Шекспира до Гоголя, от Шамиссо до Эдгара По, от Достоевского до Белого, от Набокова до Газданова и Шварца, от Кортасара до Борхеса — только и делал, что препарировал тему допфельгангеров, и почти всегда появление двойника было для героя дурным знаком. Неважно, касалось сходство внешности, имени или другой рифмы судьбы.

В семнадцать лет, студенткой, Юля влюбилась в немолодого уже музыканта, репетировавшего с группой в цокольном этаже университета. Музыкант о её чувствах, к счастью, не знал, да и вряд ли заинтересовался бы круглолицей девочкой в немодной юбке и очках. Юля караулила его на выходе из университета, смотрела, как он прикуривает сигарету и с одобрением глядит в вечернее небо. Спустя год ей стал постоянно встречаться в троллейбусе почти точный двойник музыканта — он лишь ростом был ниже, и Юля перенесла свои чувства на него, потому что из цокольного этажа группу к тому времени выперли. Потом троллейбусный допфельгангер тоже куда-то сгинул, и Вогулкина

сосредоточилась на учёбе. Вдруг захотелось стать сразу всем: культурологом, искусствоведам, социологом, писателем! В моду вошло презираемое ранее краеведение.

Однокурсник Паша Зязев проводил первые экскурсии по Екатеринбургу — бесплатные, по велению сердца. Предлагал любоваться ленточными окнами и округлыми, женственными фасадами конструктивистских домов, рассказывал о судьбах архитекторов, совал экскурсантам под нос фотокопии старых газетных статей. Юля побывала на одной такой экскурсии — и влюбилась в конструктивизм, а следом и в Пашу. В таком порядке. Паша привлекал её многим, и не последним здесь стало то, что у Зязева двойника не было. Ни на старых портретах, ни в троллейбусах, ни среди голливудских артистов не имелось никого хотя бы отдалённо напоминавшего Пашу.

К третьему курсу Зязев написал несколько бойких газетных текстов о выдающихся зданиях города — гостинице «Исеть», Белой башне, Институте охраны материнства и младенчества. Подбирался ко Второму Дому советов, который в народе окрестили Домом Чекистов, — и неожиданно пригласил в соавторы статьи Вогулкину.

— Даже не статья будет, а целое научное исследование! — горячился Паша.

Тогда стоял вроде бы май. Точно, май! Вокруг памятника Свердлову буянила цветущая сирень.